

Н.И. Шитова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Email: natalja.sni2011@yandex.ru

Освоение природных ландшафтов и этнокультурная идентичность (по материалам русских Горного Алтая)

По материалам Горного Алтая автор рассматривает проблему взаимосвязи процессов освоения русским этносом новых территорий и особенностей этнокультурной идентичности. Анализируются сведения о культуре представителей группы старожилов Горного Алтая, старообрядцев Уймонской долины и православных переселенцев, осваивающих территорию в ходе стольпинских переселений. Этнокультурная адаптация русских старожилов и переселенцев к ландшафтам Горного Алтая включала в себя не только хозяйственное освоение территорий, но и процессы мировоззренческого освоения пространства. Возникает русская топонимика, у уймонских старообрядцев бытуют представления, свидетельствующие о сакрализации территории проживания. Уймонским старообрядцам удается основать изолированные поселения в условиях горно-долинного ландшафта и сформировать устойчивую, бытующую вплоть до настоящего времени конфессиональную этнографическую группу. Важнейшей составляющей этнокультурной идентичности группы становятся представления, связанные с сакрализацией места проживания, района г. Белухи и р. Катунь. Стольпинские переселенцы, осваивающие горно-таежную местность, в новых природно-ландшафтных условиях основывают небольшие населенные пункты. Население таких поселков неоднородно по признаку губернии выхода, их небольшие размеры не позволяют выходцам из отдельных губерний образовывать свои части поселения, «концы». Переселенцы сознательно ориентируются на ассимиляцию и образование новых региональных локальных общностей. Таким образом, освоение русским этносом различных природных ландшафтов Горного Алтая могло способствовать как формированию и длительному сохранению локальной этнокультурной идентичности, как это произошло в случае с группой уймонских старообрядцев, так и нивелированию культурных различий, что мы наблюдаем на примере стольпинских переселенцев.

Ключевые слова: русские, старожилы, переселенцы, старообрядцы, Беловодье, Горный Алтай, Уймонская долина.

N.I. Shietova

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
Novosibirsk, Russia
Email: natalja.sni2011@yandex.ru

Assimilation of Natural Terrains and Ethnocultural Identity (Evidence of the Russians Living in the Altai Mountains)

The relationship between the settlement of Russians on new territories and specific aspects of their ethnic and cultural identity are analyzed using the evidence from the Altai Mountains. The study presents information on the culture of the so-called old-timers of the Altai Mountains, Old Believers of the Uymon Valley, and Orthodox migrants who settled on new territories during the Stolypin's resettlement. Ethnic and cultural adaptation of Russian old-timers and new settlers to the terrains of the Altai Mountains included not only agricultural cultivation of the available lands, but also adaptation of the worldview to new space and emergence of Russian place names. Some aspects in the worldview of the Uymon Old Believers reveal the perception of the territories where they lived as sacred. They founded secluded settlements in mountains and valleys and formed a stable ethnic and confessional group which still exists until now. The most important components of ethnic and cultural identity of this group were beliefs associated with sacralization of their dwelling area around Mount Belukha and Katun River. The Stolypin's migrants, who arrived and started to cultivate this land with mountains and taiga, built small villages with highly diverse population in terms of places of origin. Small sizes of settlements did not make it possible for new settlers who came from different regions to organize their own parts or "ends" as they called them, in these settlements. The migrants were consciously prepared for assimilation and development of new local communities of the region. Thus, cultivating various

natural terrains of the Altai Mountains by the Russians could have facilitated both emergence and prolonged preservation of local ethnic and cultural identity as it happened to the group of the Uymon Old Believers. The process of land cultivation also led to leveling off cultural differences as it was the case with the Stolypin's settlers.

Keywords: *ethnic and cultural identity, Russians, old-timers, Stolypin migrants, Old Believers, agricultural development, Altai Mountains, Uymon Valley (Uymon steppe), Belovodie.*

Вопросы взаимосвязи природно-ландшафтных характеристик и особенностей этнокультурной идентичности представляют особый интерес как явление отражения природы в культуре. Некоторые исследователи рассматривают священные места как маркеры идентичности [Винокурова, 2017; Теребихин, Мелютин, 2014]. По отношению к восточнославянскому населению Сибири изучение подобных взаимосвязей позволило бы соотнести влияние адаптации этноса к новым, отличным от мест первоначального проживания, условиям на состояние базовой составляющей культуры – этнокультурной идентичности. На примере изучения белорусских переселенцев в Сибири Р.Ю. Фёдоров и А.А. Богордаева выявляют основные модели корреляции принципов расселения и этнокультурной идентичности [Фёдоров, Богордаева, 2014]. Как отмечает Е.Ф. Фурсова, одной из форм выражения этнокультурной идентичности русских в Сибири явилась система предпочтительности расселений групп. Одним из решающих факторов, на базе которого формируется идентичность на уровне группы, стал культурно-ландшафтный, то есть духовная связь с природой, ландшафтом [Фурсова, 2019].

В настоящей работе взаимосвязь хозяйственного и мировоззренческого освоения территории и этнокультурной идентичности рассматривается на примере старожилов Горного Алтая, старообрядцев Уймонской долины и православных переселенцев, осваивающих территорию в ходе столыпинских переселений. В исследовании применен метод интеграции архивных и полевых этнографических источников, привлечены некоторые опубликованные данные. В качестве архивных использованы материалы Государственного архива Алтайского края: фонд 233 (Анкеты всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.), Государственного архива социально-правовой документации Республики Алтай. В качестве полевых – этнографические материалы, собранные автором в 2000–2010-е гг. в районах Республики Алтай.

Горный Алтай заселялся русскими значительно позже, чем равнинные территории соседнего Алтайского края. И процесс этот начинался не с территорий, находящихся ближе к уже освоенным, а, наоборот, с отдаленных горно-долинных ландшафтов высокогорной зоны (конец XVIII в.). Затем русскими заселялось среднегорье и в более позд-

ние сроки – низкогорье. Во всех ландшафтных зонах региона старообрядцы являлись первыми представителями русского этноса, адаптирующимися к новым условиям. И вплоть до середины – конца XX в. различные старообрядческие группы бытовали на территории современной Республики Алтай [Шитова, 2018a]. В высокогорной зоне уймонская старообрядческая группа пополнялась старообрядческими переселенцами и продолжала развиваться до потрясений 1920–1930-х гг.

На всей территории Горного Алтая в результате адаптации к новым природно-географическим условиям произошло изменение традиционного для русских Европейской части России соотношения хозяйственных занятий (земледелие – основное, скотоводство, лесные промыслы – вспомогательное). Основой хозяйства в высокогорной и среднегорной зонах стало скотоводство, земледелие отошло на второе место. При этом наибольших успехов в земледелии добились жители Уймонской (высокогорье) и Чарышской (среднегорье) долин. Особенности землепользования нашли отражение в топонимике, в т.ч. в народных названиях различных сельхозугодий. Создание русскими своей топонимической системы является свидетельством мировоззренческого освоения природного пространства [Шитова, 2018б].

Материалы по группе уймонских старообрядцев дают возможность проанализировать адаптацию к природно-ландшафтным условиям Горного Алтая с позиций хозяйственного и мировоззренческого освоения территории и отражения этого процесса в особенностях этнокультурной идентичности представителей группы. Как отмечает Д.Н. Лухманов, рельеф Уймонской долины способствовал почти полной изолированности населения, поскольку расселение в этих местах следовало направлению и рельефу практически замкнутых горных рек. Этими особенностями объясняется хорошо выраженная анклавность местного населения и сама система расселения [Лухманов, 1990, с. 135]. Хозяйственную деятельность уймонцы вписывали в окружающий ландшафт [Шитова, 2017].

Уймонские старообрядцы знамениты своим религиозно-мифологическим наследием, связанным с Беловодьем, широко известно внимание Н.К. Рериха к этим представлениям [Рерих, 1994]. Считается, что старообрядцы пришли в горы в поисках

Беловодья, историкам известны документы, в которых описывался путь в это место [Липинская, 1996]. Наши полевые материалы свидетельствуют о бытовании беловодской легенды в течение всего XX в., отчасти вплоть до современности. «Беловодье» понималось уймонцами по-разному: как район Белухи и Катуня, Уймонская долина как удаленная за пределы Российского государства территория, но также и как духовная реальность, существующая, но недоступная для обычных, грешных людей. На основе анализа старообрядческих нарративов (рукописей Т.Ф. Бочкарева) нами установлено, что переселению старообрядцев-первопоселенцев Уймонской долины Бочкаревых, Атамановых и др. с Европейской части России предшествовало некое религиозно-мифологическое обоснование, легенда, географической привязкой которой, исходя из текста нарратива, являлись Катунь и Белуха [Шитова, 2013].

Некую исключительность освоенной территории, то, что их поселения находятся вблизи высочайшей

вершины Сибири, уймонские старообрядцы продолжали осознавать и в трудные годы XX в. Например, в воспоминаниях старообрядца Т.Ф. Бочкарева мы находим свидетельства об осознании географической особенности Белухи как самой высокой вершины Сибири [Там же, с. 59] (рис. 1). В конце XX – начале XXI в. местные старожилы все еще рассказывали нам о том, что, если подняться высоко в горы, вода там течет белая, а потому Уймонская долина и есть Беловодье. Также в ряде бесед фиксировалась и искренняя вера в существование этой страны святости, которую невозможно достичь физически, поскольку вход в нее доступен только безгрешным.

Столыпинские аграрные переселения в Сибирь стали источником для образования целого ряда переселенческих групп, сохранявших и развивавших традиции своих метрополий. Так, на территории Алтайского края исследователями выделяется переселенческая историко-этнографическая область [Щеглова, 2011]. Переселенческий поток в Горный

Алтай нельзя вписать в закономерности, выявляемые для территории рудного (степного) Алтая [см., напр.: Пожарская, 2009]. Он являлся лишь малой долей общего потока переселенцев на Алтай. Районы, которые были предназначены для заселения столыпинскими переселенцами в Горном Алтае – это территории Лебедской, Озеро-Куреевской и Успенской волостей Бийского уезда Томской губернии (позже Успенский и Лебедский аймаки Ойратской автономной области) [Карта..., 1914].

Существенное отличие от условий рудного Алтая определялось особенностями алтайской черни или черневой тайги, в условиях которой возможно основать лишь небольшие поселения вдоль узких речных долин, или заимки, хутора в отдельных, зачастую «глухих» логах в условиях непривычных, трудных для земледельца (рис. 2). Наибольшее количество поселений в регионе в первой четверти XX в. фиксируется в переселенческих районах: 104 – в Лебедском (население 9 195 чел.), 121 – в Успенском аймаке (население 11 709 чел.). При

Рис. 1. Старообрядец Т.Ф. Бочкарев с сыном. 1970-е гг. Фото из семейного альбома, с. Мульта, Усть-Коксинский р-н Республики Алтай. ПИМА, 2007.

Рис. 2. Раздьяконова заимка. Переселенцы из Уфимской губернии. 1910-е гг. Фото из семейного альбома. ПМА, 2012.

этом в более развитых в отношении земледелия Майминском и Уймонском аймаках – соответственно 61 и 60 населенных пунктов (население соответственно 11 770 и 10 135 чел.) [Хозяйство..., 1924].

Большинство переселенцев в Горный Алтай направлялось не непосредственно из Европейской России, а прожив некоторое время на территории Томской губернии. При этом состав населения переселенческих поселков, основанных столыпинскими переселенцами, по признаку губернии выхода был разнообразным. Также была характерна пестрота фамильного состава. Это свидетельствует преимущественно об отсутствии фамильных гнезд во многих переселенческих поселках Горного Алтая.

В Горный Алтай наряду с русскими переселялись также украинцы (например, Курская, Харьковская, Киевская, Полтавская как первая губерния выхода, вторая – Томская), белорусы (например, Курская, Минская губернии), также представители других народов. В результате анализа архивных материалов (анкет Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) на изучаемой территории выявляются поселения с отчетливой локализацией украинских переселенцев, при этом они не были однонациональными. Например, это поселки Ново-Дмитриевский Успенской волости, Алемчирский, Бийский, Средний Салазан Озеро-Куреевской волости Бийского уезда (обозначенные населенные пункты в настоящее время не существуют) [Анкеты с/х

переписи поселков Югала..., Анкеты с/х переписи поселка Алемчирский..., Анкеты с/х переписи поселка Бийский..., Анкеты с/х переписи поселка Средний Салазан...]. Упоминания о переселенцах белорусах также можно встретить в архивных документах, но значительно реже, чем об украинцах. Отдельные семьи белорусов, переселенцев из Псковской, Пензенской, Курской, Минской губерний проживали, например, в поселках Кутерьба, Канагачи, Чоя Успенской волости [Анкеты с/х переписи заимок Югалы..., Анкеты с/х переписи поселков: Канагачи..., Анкеты с/х переписи поселка Чоя...], поселке Знаменский Озеро-Куреевской волости [Анкеты с/х переписи поселка Знаменское...] и т.д.

По материалам переписи 1917 г. можно проследить стремление украинских и белорусских переселенцев «слиться» с общей массой русского населения. Это проявляется в том, что идущие подряд одинаковые фамилии с одной губернией выхода и датой прихода в Сибирь, в одном населенном пункте и даже подряд размещенных анкетах (это, скорее всего, свидетельствует о том, что перечисляемые находятся в родстве), могут сопровождаться чередующимися указаниями национальности. Рассказы наших информантов повествуют о том, что украинские и белорусские переселенцы сознательно стремились ассимилироваться с русским населением, в т.ч. видоизменяли фамилии, на национальном языке больше старались говорить между собой, дома.

Трансформация идентичности происходит и у русских переселенцев, выходцев из различных губерний Европейской России. Так, например, выявляемая по архивным документам локализация воронежских переселенцев в отдельных селах, крупнейшим из которых вплоть до настоящего времени является с. Майма, в настоящее время не оставила о себе каких-либо осязаемых культурных следов. Осталась только память о названии губернии выхода дедов, выходцы из Воронежской губернии подверглись ассимиляции, сглаживанию региональных особенностей культуры губернии выхода. По нашим материалам пока не удалось проследить наличие групповой самоидентификации переселенцев по губернии выхода, память о последней осознается исключительно в контексте истории отдельной семьи.

На предмет выражения идентичности в фольклоре нами просмотрен большой массив текстовых фольклорных записей из архива собирательницы русского фольклора в Горном Алтае И.П. Федотовой. По материалам, собранным в 1960–1980 гг. на территории Горного Алтая, наблюдается отсутствие прозвищ, дразнилок, указывающих на этнокультурные различия жителей различных населенных пунктов или их концов. Напротив, по отношению к территории Алтайского края такие записи есть, они отражают классическую картину формирования этнокультурных локальных групп. В текстах частушек преобладает регионально-локальная идентичность, указывающая на конкретное место жительства («манжерокские», «турочакские», «улаганские» и т.д.) и регион проживания (Алтай, Сибирь) [Шитова, 2020]. Данные анализа фольклорных материалов соотносятся, таким образом, с выводами, полученными на основе анализа архивных и полевых источников об активных процессах ассимиляции и интеграции переселенческого населения.

В заключении отметим, что сакрализация территории проживания в алтайских горах фактически совпала с выбором оптимального места для проживания старообрядческой группы с точки зрения природопользования и налаживания системы жизнеобеспечения. По нашему мнению, мистические поиски и духовные потребности уймонские старообрядцы умело соотнесли с практической целесообразностью. Если сопоставить сакрализацию территории проживания, обусловленную горным ландшафтом, изолированность поселений и возможности природопользования – можно сказать, что в горах Алтая старообрядцы в каком-то смысле нашли, создали или построили некое свое Беловодье. Ведь они основали свой, достаточно успешный и развивающийся как духовно, так и ма-

териально старообрядческий социум, естественное развитие которого было пресечено репрессиями и государственной политикой 1930-х гг.

В бытовании беловодской легенды у уймонцев проявляется выражение присущего старообрядцам духовного стремления к сохранению основ веры и идеалов святости, изначальной сакрализации уймонцами территории своего проживания, также интерпретации некоторых локальных историко-культурных событий. Все перечисленные аспекты являются важнейшими основами этнокультурной идентичности уймонских старообрядцев.

В природно-ландшафтных условиях переселенческих районов Горного Алтая основать поселения, или «концы» в поселениях, в которых были бы сгруппированы русские переселенцы по признаку губернии выхода, также украинские или белорусские переселенцы, оказалось невозможно. По нашему мнению, специфические особенности освоения территории низкогорья Горного Алтая столыпинскими переселенцами, также преобладание переселенцев из Томской губернии (т.е. уже проживших некоторое время в других районах Сибири), неоднородность населения переселенческих поселков по признаку губернии выхода, преобладание отсутствия семейных гнезд, особенность расположения небольших переселенческих поселков в условиях горно-таежной местности и необходимость хозяйственной адаптации к новым условиям способствовали тому, что Горный Алтай стал территорией сглаживания региональных отличий русских и ассимиляции украинских и белорусских столыпинских переселенцев.

Среди восточнославянского переселенческого населения Горного Алтая в первые десятилетия XX в. происходит процесс складывания некой единой гражданской общности. Нивелирование региональных особенностей русских, украинских и белорусских переселенцев происходит, судя по нашим материалам, сознательно, предположительно, с целью интеграции пестрой массы переселенцев в единый социум, который воспринимается как русский.

В целом, можно говорить о том, что освоение русским этносом территорий в условиях различных ландшафтных зон Горного Алтая могло способствовать как формированию и длительному сохранению локальной этнокультурной идентичности, как это произошло в случае с группой уймонских старообрядцев, так и отказу от региональных особенностей и формированию новых локальных региональных общностей на фоне складывающейся общерусской идентичности, что мы наблюдаем на примере столыпинских переселенцев.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

Анкеты с/х переписи заимок Югалы, Воробьева, хутора Дрейберга № 12, Красно-Калинского, деревни Кутерба, Бирюля, поселка Верхний Узлек Успенской волости Бийского уезда // ГААК (Государственный архив Алтайского края). – Ф. 233. Оп. 1а. Д. 765. 61 л.

Анкеты с/х переписи поселка Алемчирский Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 53. 24 л.

Анкеты с/х переписи поселка Бийский Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 357. 14 л.

Анкеты с/х переписи поселка Знаменское Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 362. 24 л.

Анкеты с/х переписи поселков: Канагачи, Казанцевского, Холодный ключ, Михайловского Успенской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 754. 67 л.

Анкеты с/х переписи поселка Средний Салазан Озеро-Куреевской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 376. 12 л.

Анкеты с/х переписи поселка Чоя Успенской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 762. 44 л.

Анкеты с/х переписи поселков Югала, В-Саразон, Ново-Дмитриевский Успенской волости Бийского уезда // ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 763. 82 л.

Винокурова У.А. Священные места Сибири как маркеры этнической идентичности // Культура и цивилизация. – 2017. – Т. 7. – № 2А. – С. 533–545.

Карта Томской губернии // Азиатская Россия: атлас. – СПб.: Т-во «А.Ф. Маркс», 1914. – № 29 – URL:<http://akunb.altlib.ru/kollekcziy-elektronnoj-bibilotekt/pereselencheskoe-dvizhenie-na-altae> (дата обращения: 02.02.22).

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVIII – начало XX в. – М.: Наука, 1996. – 269 с.

Лухманов Д.Н. Географическое положение ареала расселения и социальные проблемы его населения (на примере Усть-Коксинского района ГААО) // Проблемы горного хозяйства и расселения. – М.: Госкомстат СССР, 1990. – С. 131–153.

Пожарская К.А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2009. – 23 с.

Рерих Н.К. Алтай – Гималаи. Путевой дневник. – Рига: Виеда, 1994. – 336 с.

Теребихин Н.М., Мелютина М.Н. Священные места Лекшмозерья как маркеры региональной и локальной идентичности // Вестн. Северного (Арктического) федерального ун-та. – Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 132–140.

Фёдоров Р.Ю., Богордаева А.А. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2014. – № 3 (30). – С. 67–80.

Фурсова Е.Ф. Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX – XX веков) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 30–34.

Хозяйство и население по аймакам на 1 ноября 1924 г. / по данным статбюро // Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 42.

Шитова Н.И. Рукописи старообрядца Т.Ф. Бочкарева в контексте истории и культуры старообрядцев Уймона (XVIII–XXI вв.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. – 360 с.

Шитова Н.И. Этнокультурные аспекты землепользования в Уймонской долине Горного Алтая (конец XIX – начало XXI вв.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – № 1 (15). – С. 101–107.

Шитова Н.И. Старообрядческие группы в горах Алтая (по полевым материалам) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2018а. – С. 312–317.

Шитова Н.И. Топонимы и традиционное природопользование русских в Горном Алтае // Вестн. Томск. гос. педагог. ун-та. – 2018б. – № 2 (191). – С. 34–40.

Шитова Н.И. Этнокультурная идентичность столыпинских переселенцев в условиях Горного Алтая // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 278–283.

Щеглова Т.К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат-лы 8-й междунар. конф. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – С. 72–83.

References

Ankety s/kh perepisi poselka Alemchirskii Ozero-Kureevskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia, F. 233, Inv. 1a, D. 53, 24 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselka Biiskii Ozero-Kureevskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia, F. 233, Inv. 1a, D. 357, 14 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselka Choya Uspenskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia, F. 233, Inv. 1a, D. 762, 44 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselka Srednii Salazan Ozero-Kureevskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia, F. 233, Inv. 1a, D. 376, 12 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselka Znamenskoe Ozero-Kureevskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia, F. 233, Inv. 1a, D. 362, 24 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselkov Yugala, V-Sarazon, Novo-Dmitrievskii Uspenskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia, F. 233, Inv. 1a, D. 763, 82 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi poselkov: Kanagachi, Kazantsevskogo, Kholodnyi klyuch, Mikhailovskogo Uspenskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia, F. 233, Inv. 1a, D. 754, 67 fol. (In Russ.).

Ankety s/kh perepisi zaimok Yugaly, Vorob'eva, khutora Dreiberiga №12, Krasno-Kalinskogo, derevni Kuterba, Biryulya, poselka Verkhonii Uzlek Uspenskoi volosti Biiskogo uezda. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia, F. 233, Inv. 1a, D. 765, 61 fol. (In Russ.).

Fursova E.F. Ethno cultural Identity of the Russians of Siberia at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Trends and Factors of Formation. In *Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i sopedel'nykh territorii*, Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, 30–34 pp. (In Russ.). doi: 10.17746/0295-7.2019.030-034

Fyodorov R.Yu., Bogordaeva A.A. Peasant resettlements of Belorussians in the Asian Russia: geography and myths of identity. In *Regionovedcheskie issledovaniya*, 2014, No 3 (30). 67–80 pp. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krestyanskie-pereseleniya-belorusov-v-aziatskuyu-rossiyu-geografiya-i-mify-identichnosti> (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Karta Tomskoi gubernii. Aziatskaya Rossiya: atlas. St. Petersburg: T-vo «A. F. Marks», 1914, No 29. URL: <http://akunb.altlib.ru/kollekcziy-elektronnoj-bibilotekt/pereselencheskoe-dvizhenie-na-altae> (Accessed: 08.02.22). (In Russ.).

Khozyaistvo i naselenie po aimakam na 1 noyabrya 1924 g. po dannym statbyuro. Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-pravovoi dokumentatsii Respubliki Altai, F. 42, Inv.1, D. 168, Fol. 42. (In Russ.).

Lipinskaya V.A. Starozhily i pereselentsy. Russkie na Altae XVIII – nachalo XX v. Moscow: Nauka, 1996, 269 pp. (in Russian).

Lukhmanov D.N. Geograficheskoe polozenie areala rasseleniya i sotsial'nye problemy ego naseleniya (na primere Ust'-Koksinskogo raiona GAAO). In *Problemy gornogo khozyaistva i rasseleniya*. Moscow: Goskomstat SSSR, 1990, 131–153 pp. (In Russ.).

Pozharskaya K.A. Stolypinskie pereselentsy na Altae: khozyaistvennoe obustroistvo i sotsiokul'turnaya adaptatsiya:

cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2009, 23 pp. URL: https://new-disser.ru/_avtoferats/01004633713.pdf (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Rerikh N.K. Altai – Gimalai. Putevoi dnevnik. Riga: Vieda, 1994, 336 pp. (In Russ.).

Shcheglova T.K. Russkie, ukrainsy, nemtsy, kazakhi stepnogo zapada Altaiskogo kraia: formirovanie pereselencheskoi istoriko-etnograficheskoi oblasti i sel'skogo kul'turnogo landshafta (materialy k Istoriko-etnograficheskomu atlasu Altaiskogo kraia). In *Etnografiya Altaya i sopedel'nykh territorii: materialy 8-i mezhdunarodnoi konferentsii*, Barnaul: AltGPA, 2011, 72–83 pp. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21664827> (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Shietova N.I. Ethno-cultural aspects of land use in the Uymon valley (late 19th – early 21st centuries). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2017, No 1 (15), 101–107 pp. (In Russ.). doi: 10.23951/2307-6119-2017-1-101-107

Shietova N.I. Etnokul'turnaya identichnost' stolypinskikh pereselentsev v usloviyakh Gornogo Altaya. In *Problemy vysshego obrazovaniya i sovremennyye tendentsii sotsiogumanitarnogo znaniya (VIII Arsent'evskie chteniya)*, Cheboksary: Sreda, 2020, 278–283 pp. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42175122> (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Shietova N.I. Old believer groups in Altai mountains (on field materials). In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae*, Gorno-Altai: RIO GAGU, 2018a, 312–317. pp. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34875878> (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Shietova N.I. Rukopisi staroobryadtsa T.F. Bochkareva v kontekste istorii i kul'tury staroobryadtssev Uimona (XVIII–XXI vv.). Gorno-Altai: RIO GAGU, 2013, 360 pp. (In Russ.).

Shietova N.I. Toponyms and traditional natural resources management of the Russians at Gorny Altai. *TSPU Bulletin*, 2018b, No 2 (191), 34–40 pp. (In Russ.). doi: 10.23951/1609-624X-2018-2-34-40

Terebikhin N. M., Melyutina M. N. Sacred natural sites of Lekshmozero as markers of regional and local identity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universitet*, Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2014, No 4, 132–140 pp. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennye-prirodnye-mesta-lekshmozerya-kak-markery-regionalnoy-i-lokalnoy-identichnosti> (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Vinokurova U.A. Sacred places of Siberia as markers of ethnic identity. *Culture and Civilization*, 2017, Vol. 7, No 2A, 533–545 pp. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-culture-2017-2/51-vinokurova.pdf> (Accessed: 02.09.22) (In Russ.).

Шитова Н.И. <https://orcid.org/0000-0003-1325-255X>